

Зимняя рябина

Автор:

Вера Колочкова

Зимняя рябина

Вера Александровна Колочкова

Секреты женского счастья

Аня Снегирева работает учительницей русского языка и литературы в маленьком поселке. Она ухаживает за больной мамой и в целом живет как все – уже и не надеется встретить настоящую любовь, про которую пишут в книгах. И только случившаяся трагедия переворачивает ее устоявшуюся жизнь с ног на голову. Две судьбы сплетаются в одну, чтобы вновь разойтись – возможно, уже навсегда. Смогут ли они преодолеть все трудности и встретиться вновь?

Вера Колочкова

Зимняя рябина

© Колочкова В., текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

В мире, где всяк

Сгорблен и взмылен,

Знаю – один

Мне равносильно.

В мире, где столь

Явно хотим,

Знаю – один

Мне равномогущ.

В мире, где все —

Плесень и плесень,

Знаю: один

Ты равносущ

Мне...

М. И. Цветаева «В мире, где всяк...»

Глава I

Трудный был сегодня день. Но разве бывают легкими дни при такой эмоциональной нагрузке? Никто ж не станет спорить, что хлеб учительский нынче не сладок. Ой, не сладок... И даже горьким бывает и вообще несъедобным. И все равно его пробуешь на вкус каждый день... Как бы там ни было. Иногда хочется обратно выплюнуть, а нельзя...

Аня вздохнула, поежилась от холодного ноябрьского ветра, прибавила шагу – не подхватить бы простуду, не дай бог. С утра вроде солнце всю светило, а к вечеру такая противная снежно-дождевая хмарь образовалась, сыплет с неба это безобразие на голову и сыплет... Вон, куртка уже промокла совсем. Говорила ведь мама: «Надень теплое пальто с капюшоном, к вечеру погода испортится!»

Зря она ее не послушала. Зря. Мама все погодные капризы сразу на себе чувствует и всегда точные прогнозы дает. Мои, говорит, ноги, доченька, лучше любого барометра работают, никогда не обманут. Опять болели всю ночь... Вот же странно, а? Ноги у мамы давно уже не ходят, а к непогоде исправно болят... Она даже у врачей спрашивала – может, мамина обездвиженность не так уж и безнадежна? Но они ей объяснили, что это не настоящая боль, а так называемый синдром фантомной боли. Не ждите, мол, ваша мама уже не встанет на ноги. Инсульт и преклонный возраст сделали свое дело, надо смириться.

Какое слово трагическое – преклонный... То ли надо преклоняться перед этим возрастом, то ли он сам вынужден перед жизнью преклоняться. И не поймешь...

Из бело-дождевой хмари вынырнула подвижная фигурка, знакомый голосок прозвенел испуганно:

– Ой, Анна Пална... Здрасьте...

– Снегирев! Сережа! А ну погоди... Да постой же, кому говорю, слышишь?

– Что, Анна Пална? Я тороплюсь вообще-то... Мамка в магазин за хлебом послала...

– Ты почему сегодня в школе не был, Снегирев?

– Так я это... Приболел я... Мамка сказала – дома посиди... А я мамку вообще-то слушаюсь, как она говорит, так и делаю.

– И потому мама тебя по такой погоде в магазин отправила, да? Нечаянно вдруг приболевшего?

– Ну да... А чего такого-то? Нельзя, что ли?

– Опять врешь, Снегирев? Я ж знаю, почему ты сегодня в школу не пошел. Твой девятый «Б» сегодня сочинение по «Войне и миру» писал... Я правильно тебя поняла, да, Снегирев?

– Ну... Как бы это сказать...

- Прямо сказать, Снегирев.

- Ну... Вы сами подумайте, Анна Пална... Зачем мне еще одна двойка за сочинение, а? Вы ж мне и так за первую четверть двойку вывели... Я что, виноват, что у меня эти ваши сочинения не получаются? Не мое это, Анна Пална. Не мое. Не умею я словами всякими фигурять, все эти ваши Болконские с Безуховыми мне до лампочки. Неинтересно мне это, понимаете? А если нормальному человеку что-то неинтересно, то это у него и не получается. Что тут непонятного, Анна Пална?

- Очень жаль, что тебе неинтересно... Ты ведь сейчас и в мой огород кинул камушек, Снегирев. Стало быть, это я плохо тебя научила, не привила интерес к литературе.

- Да не... Вы хорошая учительница, вас ребята уважают, вы не думайте. Особенно девчонки, ага. Им ведь это ближе, чтобы уметь красиво слова складывать. А пацанам... Пацанам не пристало как-то... Интересу нет, я ж говорю...

- Просто читать надо больше, Снегирев, развивать себя. Вот какую книгу ты сейчас читаешь, скажи?

- Да некогда мне книжки читать, дел по хозяйству много. Да и надо мамке помочь... Мамка вон книг тоже не читает, и ничего, живет как-то. И я проживу.

- Да, проживешь, конечно. Но смотря как проживешь...

- Это вы сейчас про богатый духовный мир станете мне говорить, правильно?

- А что за ирония в голосе, Сережа? Обидно даже за тебя, правда... Ведь ты не глупый мальчик, ты можешь... Да ты только попробуй, начни читать, и я уверяю тебя - обязательно увлечешься! И тогда интерес появится, понимаешь?

- Да не, не появится... Что я, себя не знаю? Я лучше пойду, ладно, Анна Пална? Холодно сегодня... А в школу я завтра приду и сочинение готовое принесу, обещаю.

– Да знаю, какое ты мне принесешь сочинение... Из интернета сворованное... А ребята сегодня сами писали, между прочим. Головой думали. Никто ниоткуда не списывал.

– Ага... И вы опять кучу двоек наставите, я ж знаю. Не, Анна Пална, я на такое не подписываюсь... Не...

– А если я твою мать в школу вызову, Снегирев? Это лучше будет?

– Да вызывайте на здоровье, мне разве жалко? Что я, мамку свою не знаю? Придет домой, проорется. И все. Потом поплачет еще, конечно... Про отца вспомнит, который нас бросил... Хотя какая связь, казалось бы, да? Где тот Болконский и где мой отец, которого я уж три года не видел? А у мамки вечно так... Если меня ругают, сразу отец виноват... Ладно, я побегу, Анна Пална, замерз совсем!

Снегирев шустро кинулся прочь, и она только руками развела – ну как, как с ним еще разговаривать? И ведь относительно матери прав, стервец... Никак она на него повлиять не может. Да и никто не может, если на то пошло. Вот и получается, что она свой учительский хлеб не отработывает. И не ее это вина, наверное... Просто время сейчас такое. Прежние учебные заповеди отвергаются, а новые еще не изобретены. И милые сердцу литературные образы тоже заменить пока некем. Да и вряд ли можно будет их заменить... Но кто его знает, кто знает! Может, в школах будущего и станут вместо образа Пьера Безухова подвиги Гарри Поттера анализировать? Не приведи господь, конечно...

А непогода-то закончилась, кажется! Как-то враз взяла и закончилась. И даже хляби небесные чуть раздвинулись, впустили на мокрую землю робкий солнечный луч. И красиво-то как кругом... Снег на ветках деревьев еще не успел растаять, стоят они в белом дыму, будто сами обмерли от восторга – смотрите скорее, любуйтесь, пока эта красота вниз не стекла... Особенно вот большая береза хороша. Только поэта Есенина сейчас и не хватает, он бы уж точно воспел... У него это очень лихо получалось!

А что? И впрямь... Чем уральский поселок под названием Снегири хуже рязанского села Константиново? Очень даже хороший поселок, большой, людной. И название свое оправдывает – снегири в нем зимой и правда хозяйничают. И людей по фамилии Снегиревы здесь много, можно сказать,

половина поселка – одни Снегиревы. И она тоже в девичестве Снегиревой была...

Да уж, была. Как давно это было – вспомнить страшно. Бегала в школу Аня Снегирева, росла на воле, потом в город уехала, замуж вышла. Была Снегирева, стала Воробьева. Потом в родной поселок пришлось вернуться волею судеб... Но про эту «волю судеб» лучше сейчас не думать – чего о ней думать-то? Лучше домой поспешать, там мама одна... Уже заждалась ее, наверное.

Прибавила шагу, перехватила из руки в руку сумку с тетрадками. Сегодня весь вечер придется сидеть, сочинения девятого «Б» проверять. То еще скорбное занятие, между прочим. И надо бы воздуха холодного-вкусного вдохнуть напоследок! Сейчас в свой переулок войдет и уже дома почти...

Открыла калитку и застыла на месте, не учуяв привычного движения со стороны собачьей будки. Никогда не бывало такого, чтобы Милорд радостно не приветствовал ее, не мчался навстречу, громыхая тяжелой цепью. Господи, да что с ним случилось? Аж сердце зашло нехорошим предчувствием.

Подошла к будке, позвала тихо:

– Милорд... Дорогой мой... Ты чего там сидишь? Заболел, что ли? Ну же, выгляни, я хоть посмотрю на тебя...

Голос прозвучал жалко, почти с дрожью. Да и впрямь – страшно было подумать, что с Милордом что-то может случиться. Он ведь старый уже, давно свою службу собачью отслужил. А все равно страшно! Привыкла уже, что Милорд ее встречает всегда. А если встречает, жизнь вроде как в том же ритме идет. Все по заведенному порядку...

– Милорд... Ну же, покажись! Не пугай меня, а?

Чуть не заплакала, ей-богу. И Милорд, наверное, эту потенциальную слезливость в ее голосе учуял, выбрался из будки с трудом, глянул грустно – чего, мол, беспокоишь зазря? Не видишь, мне худо совсем?

– Живой... Ты живой, мой милый... Как хорошо... Чего ты пугаешь меня, а?

Села на запорошенное снегом крыльцо, и Милорд приковылял тут же, устроился рядом, положил голову ей на колени. И заскулил тихо и виновато – прости, хозяйка, прости... Видишь, мол, ослаб я совсем. Не могу больше... Вышел мой собачий век, прости...

– Ты что, помирать собрался, бессовестный? – проворчала нарочито недовольно, оглаживая собачью большую голову. – Не надо этого, милый, не надо... Как же я без тебя буду, сам подумай? Зайду во двор, и никто мне навстречу не выбежит... Да и как я маме скажу, если помрешь? Она ж горевать будет, сам знаешь... Начнет еще всякие аналогии проводить, что и ей тоже пора... В последнее время она знаешь как часто говорит об этом? Я уж придумать не могу, как эти разговоры в сторону уводить! Так что нет у тебя права помирать, дорогой Милорд, имей это в виду. Слышь меня? Понимаешь?

Милорд опять заскулил жалобно, и пришлось ругнуть себя за столь жестокое проявление эгоизма к бедному псу. Он и без того из последних сил из своей будки выкарабкался... А она ему – не смей, права не имеешь!

Вздыхнула, предложила участливо:

– Сосиску будешь, Милорд? Я в магазин по пути заходила, сосиски телячьи купила... Сейчас тебя угощу...

Милорд поднял одно ухо, склонил голову чуть набок. Ага, вот оно, волшебное жизненное лекарство – сосиска! А лучше две или три... Давай, хозяйка, потроши свою продуктовую котомку, если обещала! Может, у тебя там еще что-то вкусненькое завалюсь?

Клацнул зубами – сосиска тут же исчезла в пасти. Потом еще одна. И еще...

– Ну все, хватит! Думаешь, у меня их много, что ли? погоди, скоро я тебе поесть вынесу... Ну что, легче тебе стало, Милорд?

Пес поднялся на ноги, встряхнулся, глянул на хозяйку преданно – все в порядке, мол, поживу еще, не бойся!

– Ну вот и хорошо... – улыбнулась она ему грустно. – Молодец, Милорд... Служи... А я пойду, ладно? Там мама одна... Заждалась уже меня, наверное!

Мама сидела на постели, смотрела в окно. И сердце сжалось нехорошим предчувствием, как давеча у калитки, и пришлось быстренько загнать это предчувствие внутрь, проговорить бодренько:

– Ты чего лампу не включила, мам? Темно ведь... И телевизор не включила...

– Да ну... – тихо откликнулась мама, продолжая смотреть в окно. – Надоел уж мне этот телевизор... Вроде и жизнь показывают, а присмотришься – все суета. А за суетой и жизни не видно. Надоел... А без телевизора я сижу и сижу, сумерничаю, мысли всякие в голове перебираю...

– Какие мысли, мам?

– Да всякие, Нюлочка, всякие. Ноги мои давно не ходят, зато мыслей в голове много бродит. А раньше как-то наоборот было, знаешь... Чем больше беготни, тем меньше мыслей... Я вот думаю, помру я скоро, Нюлочка. Готовиться надо, пришла пора.

– Да ну тебя, мам! – отмахнулась она в сердцах, быстро проходя с сумкой на кухню. – Перестань, ради бога, и слышать этого не хочу!

А самой страшно стало. Поверила вдруг – мама сейчас не капризничает. Она вообще не была капризной, сносила свою обездвиженность на удивление спокойно, будто приняла ее как данность. Но вот сейчас... Показалось, что голос у мамы какой-то особенный. И что не надо отмахиваться сердито, а надо просто услышать ее и понять. Как бы страшно ни было, а надо услышать...

И еще... Это ж редкий случай был, чтобы она ее Нюлочкой называла. Знала, что ей ужасно не нравится это имя с детства. Как она сердилась на маму тогда за эту «Нюлочку»!

– Не называй меня так, не называй, сто раз уже просила! И без того девчонки в школе дразнятся!

- Да как они на тебя дразнятся? Отчего?

- А сама не понимаешь, что ли? Так и дразнятся, что Нюрой зовут!

- И что? - пожимала мама плечами в недоумении. - Вполне нормальное имя... Да у нас полдеревни, помню, этих Нюрочек было. И ничего...

- Ага! Полдеревни Нюрочек-дурочек!

- Да отчего же дурочек-то? Все девки были красивые, справные, кровь с молоком! Ни одной дурочки промеж них не водилось!

- Ну мам... Ну я же прошу тебя, правда... Не называй меня так, пожалуйста! У меня же нормальное имя есть - просто Аня...

- Ладно, ладно, не буду. Коль не хочешь, так и не буду.

- Обещаешь?

- Обещаю, ладно...

Мама и впрямь будто забыла про «Нюрочку», очень редко ее так называла, в особых случаях. Помнится, когда она объявила, что замуж выходит, мама всплеснула руками и проговорила тихо:

- Ой, Нюрочка... Только не ошибись смотри... Тот ли человек твой Ромка, не знаю... Хотя и отговаривать не буду - тебе с ним жить, а не мне...

Права была мама, теперь-то она это понимает. Не тот человек он. Жизнь сама показала - не тот... А Нюрочка получилась дурочкой - поверила.

И сейчас вдруг у мамы эта «Нюрочка» наружу всплыла. Не к добру... И все равно - не надо отчаиваться, надо бы постараться обойти все предчувствия стороной. Да мало ли что могло прийти маме в голову! Может, день сегодня такой неудачный! Надо поскорее его пережить, вот и все!

– Мам, сейчас ужинать будем, ты ж голодная, наверное! – произнесла бодро и громко, выкладывая продукты из пакета на кухонный стол. – Я сегодня зарплату получила, в магазин зашла, вкусенького купила! Слышишь меня, мам?

– Да слышу, слышу... – слабо откликнулась мама. – Зарплату, говоришь, получила? Ну, понятно... Стало быть, Матвейку пора в гости ждать...

Конечно, она уловила грустную иронию в голосе мамы. Мол, сынок твой только тогда приезжает, когда у мамки деньги есть. Да, все так... А с другой стороны – какой может быть спрос с Матвея, парень только-только институт окончил, еще не успел по-настоящему на ноги встать! Да и она сама ему помощь всегда предлагает... Матвей на этой помощи особо и не настаивает. Да и кто ему поможет, кроме матери? Отец, что ли? Как же, дождешься от него...

Подумала о бывшем муже, и настроение враз испортилось. Хотя его и не было особо, того настроения. А ведь каких-то три года назад все по-другому было! Все, все по-другому...

Три года назад они приезжали к маме в Снегири дружной семьей – она, Ромочка и сынок Матвейка. Ромочка тогда ее мужем был, а Матвей на третьем курсе политехнического учился. И мужа она называла только так – Ромочка. А отчего ж не называть ласково, если у них все хорошо было? Жили, сами себе радовались. Квартира в городе есть – Ромочке от бабушки в наследство досталась, машину хорошую купили, зарабатывали оба неплохо... Она в школе свой предмет вела, Ромочка у друга в бизнесе подвизался. И мамин дом в Снегирях они своей дачей считали, да и сама мама всегда говорила – это теперь ваша дача, распоряжайтесь тут как хотите. Можете второй этаж пристроить, можете на участке новый дом возвести... Участок большой, места хватит. Ромочка, помнится, так и собирался сделать, уже планы рисовал на бумаге, интерьер нового дачного дома придумывал. Увлекся, глаза горели, новые идеи из него косяком так и перли...

А потом все прекратилось враз. Вся их налаженная счастливая жизнь прахом пошла. Аккурат в тот самый вечер и начала рассыпаться, когда им позвонила соседка из Снегирей и сообщила печальную новость – у мамы инсульт...

Они тогда сразу помчались в Снегири на машине, и Ромочка всю дорогу интересовался осторожно, что это за болезнь такая, инсульт, и чем для человека

может обернуться. А она только плакала и отмахивалась от его вопросов – откуда, мол, я знаю! Я и сама ничего не знаю, я за маму боюсь... Вот приедем сейчас в больницу, и нам все скажут...

В больнице им ничего хорошего не сказали. Ничем не утешили. Оказывается, мама долго одна пролежала, пока ее соседка не обнаружила. И как дальше будет – можно только гадать. У каждого организма свои возможности...

Возможности маминого организма были вполне типичными для инсульта – возрастной интеллект сохранился, а ноги отказались функционировать напрочь. И тогда, как в таких случаях водится, встал перед ними неразрешимый вопрос – что делать, как быть? Ведь надо же что-то делать... Маму одну в доме не оставишь, и на чужого нанятого человека ее бросать не хочется, совесть дочерняя не позволит... Хотя у Ромочки относительно ее дочерней совести свои соображения были:

– Ну почему нельзя ту же соседку нанять, Ань, я не понимаю? Пусть приходит три раза в день, кормит ее, горшки выносит...

Последние слова Ромочка произнес так брезгливо, что и сам содрогнулся слегка. А ее эта брезгливость вывела из себя, аж задохнулась от возмущения:

– Да как ты можешь так говорить, Ром! Это же мама моя, ты что! Если тебе даже говорить об этом противно, то чужому человеку – уж тем более! Какая нанятая соседка, о чем ты?

– Ну не просто же так, а за деньги... – попытался оправдаться Ромочка.

– А ты сам... За деньги смог бы?

– Я – нет. Но ведь не обо мне речь, Ань!

– Да как раз о тебе... Я думала, моя мама тебе не чужой человек...

– Ну да, не чужой... Ты права, конечно. Только я не пойму... Ты сама-то что предлагаешь? Какой выход из ситуации видишь?

– Да очень простой, Рома. Надо маму к нам перевозить, в городскую квартиру. Я сама за ней буду ухаживать, не бойся, тебя не заставлю.

– То есть как это... В квартиру? Вот прямо сюда, к нам, что ли?

– А у нас разве еще одна квартира есть?

– Но я же серьезно тебя спрашиваю, Ань... Как ты себе все это представляешь? У нас же две комнаты всего... Куда мы ее поселим? В нашу с тобой спальню? Или в комнату Матвея? Пусть его студенческие друзья порадуются такому соседству, ага... Они ж к нему толпами ходят...

– Ничего, потеснимся как-нибудь. Другого выхода нет.

– А вот не надо за меня решать, Ань, есть у нас другой выход или нет! Не надо моей жизнью распорядиться. И жизнью Матвея тоже! Уж будь добра, ищи-ка ты другой выход!

– Какой, Ром? Маму в дом инвалидов определить?

– Заметь, не я это сказал... Ты сама сейчас это сказала, Ань...

– Да пошел ты! Знаешь куда?

– И куда же?

– С глаз моих подальше, вот куда...

– Прямо сейчас?

– Да! Прямо сейчас! Немедленно!

Разговор происходил в мамином доме, аккуратно в тот день, когда маму привезли из больницы. Слава богу, она спала и ничего не слышала. Может, и не спала...

– Ты действительно хочешь, чтобы я сейчас уехал? – упрямо переспросил Ромочка, глядя на нее как-то слишком уж злобно.

– Да, хочу. Уезжай. Тебе ж на работу завтра.

– Так и тебе на работу...

– Нет. У меня в школе каникулы. Я договорилась, что меня на этой неделе не будет.

– А потом? Что потом будешь делать?

Она так глянула на него, что Ромочка сник и опустил глаза. Посидел за кухонным столом еще немного, сжимая в пальцах пустую чайную чашку, потом поднялся со стула, проговорил деловито:

– Ладно, поехал я... Мне утром на работу и впрямь нельзя опаздывать. Ты же знаешь, как у нас с этим строго. И не обижайся на меня, Ань... Сама подумай, что ты от меня хотела услышать? Чем я тебе помогу в этой ситуации? Не обижайся, ладно? И вообще, держись... Все равно что-нибудь придумается, найдем какой-то выход, обязательно найдем... А я тебе позвоню завтра, договорились? И ты тоже звони... В любое время звони...

Не дождавшись ответа, повернулся, шагнул за порог. Вскоре она услышала, как со двора выехала машина. Выглянула в окно, усмехнулась горько – даже ворота за собой не закрыл... Так торопился сбежать в свою привычную жизнь. Вот и сбежал...

Так она и осталась с мамой в Снегирях. Сначала думала – временно. Мол, действительно придумается что-нибудь да как-нибудь, или Ромочка одумается и приедет за ними, и все вместе в город переберутся...

Не приехал Ромочка. И не придумалось ничего. Так и побежали дни, складываясь в недели, в месяцы, в годы... Поначалу она пыталась все-таки жить на два дома, металась и разрывалась между городом и Снегирями, а потом вдруг поняла, что у Ромочки кто-то появился. Причем весьма банально поняла – нашла под кроватью чужую помаду, яркую такую, нагло-красную. И ничего у мужа

спрашивать не стала – зачем? И так все ясно. И ездить сюда больше незачем...

Неправильно это было, наверное. Такую тихую гордыню включать – неправильно. Надо было как-то по-другому свое семейное счастье отстаивать. С кулаками. С чувством собственного достоинства. Да только как? Каким таким образом? Выгнать Ромочку к чертовой матери из квартиры – иди к этой своей, мол, которая губы алой наглой помадой красит? Но как его выгонишь из его же квартиры? Он в ней родился, в ней родители его жили, пока в автомобильной аварии не погибли... Потом он с бабушкой тут жил, она его вырастила... Ромочкина квартира, тут и говорить нечего. А она здесь пришлая, выходит. И права ни на что не имеет. Только и остается – гордо уйти в сторону.

Она и ушла. Уволилась из городской школы, окончательно перебралась в Снегири. Три года уже как с мамой живет... В местную школу работать пошла, место учителя русского языка и литературы освободилось, молодая специалистка на него после летнего отпуска не вернулась. Такая вот судьба... Как сложилось, так и сложилось, ничего не поделаешь.

Да и не кляла она свою судьбу. Достоинно ее приняла, с легкостью. Наверное, поняла в одночасье, что и не любила Ромочку никогда... Если б любила, страдала бы, ночами в подушку плакала. А как иначе? Любовь, она же слепой не бывает, она же из поступков складывается. Трудно любить того, кто тебя предал. Простить можно, а вот любить... Это уж, извините, не получается.

И за мамой она ухаживала не с тоской, а с радостью. Потому что долги надо отдавать с радостью, а не с досадой. Мама ж ее одна растила, трудно ей было. С любовью растила, с полной самоотдачей. Она всегда это чувствовала и тоже маму любила. А когда любишь, долг отдавать легко. Такой вот круговорот любви получается, что ж... Тебе любовь отдадут, потом ты в ответ отдаешь... От сердца отдаешь, с радостью. Если ты эту любовь в себе чувствуешь, то потери в личной жизни уже не так горько воспринимаются. Нет, это беда, конечно, что личная жизнь прахом пошла – кто спорит? Но и не беда-беда по большому счету...

В последнее время она почему-то все чаще об этом думала и лишней раз убеждалась в том, что судьба для всего свое время определяет. Время принимать любовь и время отдавать любовь. Иногда отдавать даже приятнее получается, чем брать... А еще она поняла за эти годы, что за мамой ухаживала, как сильно ее всегда любила. И какое это большое счастье на самом деле. Между прочим, не всем так везет это понять! Многие свой долг перед

родителями за большое проклятье считают и не устают при этом небеса вопрошать: за что, мол, такое, за что?

Да ни за что, господи. Затем, что так надо. Так положено. И все тут. Тебя любили, тебе отдавали, и ты люби и отдай. Все же просто на самом деле... Возьми да глянь на себя с другой стороны, и поймешь. То и поймешь, какой ты везучий, что можешь долги отдать. Что судьба тебе такую шикарную возможность подарила...

А у Ромочки в городе быстро другая жизнь наладилась. Можно сказать, забила буйным ключом. Однажды Матвей приехал взбудораженный, выложил ей подробности новой Ромочкиной жизни. Сидел за столом, повторял возмущенно:

– Ну как ему не стыдно, мам, а? Как он мог, не понимаю? Ведь знал же, что я тебе все расскажу... Ему что, на тебя совсем наплевать, мам?

– погоди, Матвей... Успокойся, во-первых. Во-вторых... Расскажи, что там у вас такое произошло.

– Да мне и рассказывать об этом стыдно, мам! За отца стыдно! Представляешь, прихожу я из института, открываю своим ключом дверь... А он в квартире не один! Там эта мадам... Сидит на кухне в твоём халате... Еще посмела и твой халат на себя напялить, представляешь? Я прям обалдел... Стою, смотрю на нее во все глаза... На отца смотрю... А он хоть бы бровью повел, тоже стоит в дверях, улыбается! Познакомься, говорит, сынок, это Марина... Теперь она будет жить с нами...

Матвей захлебнулся своим возмущением и даже чуть не заплакал, как ей показалось. И непонятно было, как и что ему сказать. Тут бы и самой не расплакаться от таких новостей, удержаться в спокойном достоинстве. Трудно, конечно, а надо...

– Мам, я растерялся... Не знал, что отцу сказать. Просто повернулся и ушел к себе в комнату. Надо мне было эту Марину взащей выгнать, да? Ты так считаешь? Но ведь не драться же мне с отцом, правда?

– Конечно, сынок. Успокойся. Ты бы ничего не смог сделать, что ты. Если он так решил...

- Я тебе сейчас делаю больно, мам, да?

- Ничего, я перетерплю. Я же сама решение такое приняла - вместе с бабушкой остаться. Она ведь моя мама, я не могла поступить иначе... А в том, что твой отец так себя повел, ни я, ни ты не виноваты. Это тоже его выбор, получается. Кто-то может быть рядом в беде, кто-то не может и предает. Кто-то умеет летать, а кто-то может ползать...

- Да, мам, я понимаю. И я на твоей стороне, ты знай.

- Спасибо, сынок.

- Да ладно, какое там... Я вот что для себя решил, мам. Я буду приходить домой и закрываться от них в своей комнате, чтобы ни эту бабу, ни отца в упор не видеть. Устрою им полный игнор. Да уже и устроил, в общем... Три дня с отцом не разговаривал, пока он на меня не наорал...

- Наорал? За что наорал?

- Ну... Вроде эта Марина ему пожаловалась... Что ей вроде как некомфортно. Да, мам, да, ей еще и комфорта захотелось при таком раскладе! И как она это себе представляет, интересно? Что я буду с ней на кухне чай распивать да мило общаться? Я так отцу и сказал - не жди, не будет этого никогда...

- А он тебе что ответил?

- Да захныкал, как маленький... Вроде того, что он тоже ни в чем не виноват, что ты сама его бросила... Я ему говорю - как же бросила-то? Не бросала тебя мама, она за бабушкой ухаживает, и ты это прекрасно знаешь! А он опять лепечет в ответ всякую ерунду... Мол, я пока не могу обо всем этом рассуждать как взрослый мужик... Мол, когда вырастешь, тогда поймешь. Хорошая фраза, да, мам? Вырастешь и поймешь? Да что тут надо понимать, интересно?

- Ты слишком категорично настроен, Матвей. Не надо так. Не забывай, что он твой отец.

- И что, теперь ему все можно, если он отец? - пуще прежнего взвился Матвей, глядя на нее обиженно. - Почему он со мной разговаривает как с мальчишкой? Я давно уже не мальчишка, я взрослый мужик! А он... Что-то там на тему физиологических потребностей объяснять начал... Да я даже слушать его не стал, мам! Просто на следующий день замок в свою дверь врезал. Хороший такой замок, капитальный. Дал ему понять, что у меня теперь своя жизнь, от него отдельная.

- И что, даже на кухню теперь не выходишь?

- Не-а. Не выхожу.

- А завтракаешь как? А ужинаешь?

- В нашей столовке, где я работаю, нормально готовят, мам. Я не хожу голодным, не переживай. Да и Вика меня все время подкармливает...

- Вика - это кто?

- Это моя девушка, мам. Она классная, я тебя потом познакомлю...

- Она учится или работает?

- Учится. В том же институте, где я учился. Мы познакомились, когда она еще абитуриенткой была. Теперь она первокурсница, в общежитии живет. И вот что я подумал, мам... Ей трудно там, в общежитии. Она такая... Домашняя вся. Деловая, смелая, но домашняя. И если уж такой расклад вышел, то я решил Вику к себе забрать.

- Куда - к себе?

- Ну, в свою комнату! Будем жить вместе... А что? Нормально... Это же моя комната! Если отец эту Марину в дом привел, то почему я не могу привести Вику? А она, между прочим, такая, ей палец в рот не клади! Она еще покажет этой Марине, кто в доме хозяин! То есть хозяйка...

– Ой, Матвей... Даже не знаю, что тебе и сказать... Выходит, ты хочешь привести в дом свою девушку в пику отцу? Но ведь так не должно быть, сам понимаешь...

– Да все я прекрасно понимаю, мам! И не в пику вовсе! Я Вику люблю... У нас с ней все хорошо, правда. Просто так совпало, что немножко как бы... И впрямь назло отцу...

– Ой, не знаю... Может, ты лучше к нам в Снегири переедешь?

– Да как же, мам? Я только-только на работу устроился, еще не закрепился даже как следует, на испытательном сроке сижу! А здесь... Где я здесь работать буду? Дворником у тебя в школе?

– Ну, нашел бы работу... Не такая уж глухомань наши Снегири.

– Не, мам... Да и Вика сюда не поедет... Как она учиться-то будет, сама подумай? И вообще, нельзя так делать! Иначе получится, что отец нас с тобой обоих из квартиры выставит, а сам будет жить в свое удовольствие! Он нас по одной щеке ударил, а мы ему другую подставим? Ну уж нет... Не бывать этому... Посмотрим еще, кто кого!

– Нельзя воевать с отцом, сынок... Нельзя, понимаешь?

– А я и не собираюсь воевать с ним. Я только хочу ему показать, что со мной такой номер не пройдет. Хватит того, что он с тобой так поступил. Тебе трудно, ты вынуждена в Снегирях с бабушкой жить, а он... Никогда этого ему не прощу, никогда!

Она только вздохнула – ну что тут скажешь? Приятно, конечно, что сын за нее так переживает, а с другой стороны... Страшно эти жестокие слова слышать – никогда не прощу. Слова, обращенные к родному отцу. Не должно ведь так быть, не должно...

Следующим утром она провожала его на автобус. Денег дала. Все, что было в кошельке, до копеечки. Когда вернулась домой, мама спросила тихо:

– Что, опять Матвейке деньги сунула, да?

Она только кивнула молча, подумав про себя: какое противное это слово – «сунула». Что-то есть в нем такое – уничижительно-грустное. Хотя и впрямь – ничего веселого в сложившейся ситуации нет...

– Ну чего ты скисла, Ань? Сунула ему денег, вот и правильно! – будто извиняясь, быстро проговорила мама. – Надо ведь парню жить как-то, правда? И на девушку тратиться надо, сама понимаешь. А мы с тобой проживем, не помрем с голодухи... Мне пенсию через три дня принесут, проживем как-нибудь!

Тогда у мамы настроение бодрое было, и голос по-другому звучал. А сегодня... Сегодня скисла вдруг, о смерти заговорила. И даже новость о скором приезде Матвея ее не обрадовала. И у нее тоже в этот вечер все из рук валится... Слава богу, с ужином справилась кое-как, можно нести в комнату, маму кормить...

– Ань! Ты чего там закопошилась? Где у тебя ужин-то? – будто услышав ее мысли, спросила из комнаты мама.

– Сейчас, мам... Все готово, несу уже...

Придвинула стол к маминой кровати, поставила перед ней тарелки с едой. Сама уселась напротив, проговорила почти весело:

– Я такая голодная, мам! С утра ничего не ела. Да еще и на улице похолодало... Еле домой дошла!

Казалось, мама ее не слышала вовсе, по-прежнему сидела, глядя в окно. Потом произнесла тихо:

– Да, холодно сегодня... На Покрова всегда холодно бывает. Вот и еще одна зима пришла...

– Да не зима еще, мам! То есть... Не совсем зима. Ешь, а то остынет...

– Нет, Нюлочка, недалеко до зимы, я знаю. И еще знаю, что не будет у меня этой зимы. Помру я скоро, Нюлочка. Это я к тому говорю, чтобы ты готова была...

– Ну ма-а-а-ам... Ну что ты опять... – жалобно произнесла она, подавшись вперед всем корпусом. – Не надо, мам, ну пожалуйста...

– Не хнычь. Что ты хнычешь, как маленькая. Давай-ка лучше пластинку поставь. Послушать хочу.

– Какую пластинку?

– А сама знаешь, какую. Мою любимую.

– Сейчас поставлю...

Поднялась из-за стола, направилась к проигрывателю, примостившемуся на тумбочке в углу комнаты. Старый был проигрыватель, почти раритетный. Сколько раз они с Ромочкой, помнится, предлагали маме – давай новый купим, современный! А она – ни в какую... Это, говорит, из моей жизни вещь, я к ней привыкла. Да и зачем новый покупать, если этот еще прекрасно работает?

Пластинка быстро нашлась, та самая, мамина любимая. Тоже, можно сказать, раритетная. Тяжелая, с красным бумажным кругом вокруг дырочки. С детства она помнила эту пластинку, помнила наизусть, что на этом красном круге написано. «Концерт Государственного хора русской народной песни под управлением А. В. Свешникова». А после этой надписи названия песен идут. Мамина любимая вторая по счету – «Не корите меня, не браните...»

Пластинка ловко села на свое привычное место, игла угадала пространство меж первой и второй песнями. После короткого шороха послышалась мелодия вступления, и сильный женский голос властно поплыл по комнате:

Не корите меня, не браните,

Не любить я его не могла;

Полюбивши же, все, что имела,

Все ему я тогда отдала...

Никогда, никогда она до конца не понимала, что мама нашла для себя в этой нехитрой песенке, какие такие потаенные силы? И тем не менее... Всегда, когда

слышала это вступление, будто преображалась враз, и лицо светлело и разглаживалось, и глаза начинали блестеть, и даже согбенная временем спина выпрямлялась будто... Чудеса, да и только! Наверное, все же какие-то хорошие воспоминания просыпались и оживали – те самые, из прошлой жизни. Может, мама о муже своем вспоминала... То есть об отце ее, которого она никогда не видела. Как ни выпрашивала маму о нем, ничего толком так и не вызнала. Была, была тут какая-то тайна... Может, эта самая тайна и вызывала в маме такие чудесные преображения, когда лилось по комнате это горестно-эмоциональное «не корите меня, не браните»?

Слова второго куплета мама всегда подхватывала фальцетом, выпевала их громко, с чувством:

Посмотрите, что стало со мною,

Где девалась моя красота?

Где румянец, что спорил с зарею,

Где волнистых волос густота?

Помнится, в детстве ей очень хотелось поправить маму, вставить свое недовольное словцо – неправильные, мол, у песни слова-то, мам! Нельзя так говорить – где девалась моя красота! Надо говорить – куда девалась...

Хотелось, но так и не поправила ни разу. Чувствовала, что не надо. Потому что в данном конкретном случае оно так и было – где девалась моя красота. Вот и сейчас... Глянула на маму и обомлела – какая она красивая все-таки! Несмотря на немощь и старость – красивая! И вся звонкая такая... Будто сейчас подскочит с кровати, поведет плечами, запоет еще громче... Посмотрите, мол, как мне моя старость к лицу!

Не подскочит, к сожалению. И даже просто не встанет. Три года уж не встает...

Пластинка кончилась, игла зашипела на ее пустом поле жалобно. И мама тут же сникла, отвернулась к окну, снова проговорила тихо:

– Помру я скоро, Нюлочка... И не спорь со мной, не сердись. Ты ж знаешь, что я не люблю болтать попусту. И потому мне бы поговорить с тобой надо, Нюлочка...

Рассказать все, как есть...

- О чем рассказать, мам? - спросила она осторожно.

- Да об отце твоём рассказать... Помнишь, как ты в детстве все у меня выпрашивала про отца-то? А я отмалчивалась... Вот, пришла пора, стало быть.

- Но он... жив, мам?

- Надеюсь, что жив. Я и сама этого не знаю. Но сердцем чувствую - жив пока...

- Почему пока?

- Да сама не знаю, чего это мне взболтнулось. Хотя... Как ты там по-умному говоришь? Что-то про нужную оговорочку...

- Оговорочка по Фрейду? Ты это имеешь в виду?

- Во-во. По этому самому Фрейду и есть, стало быть. Не знаю, что за мужик, но, видать, шибко был умный, зараза. Правильно все определил: что язык сболтнул не подумавши, то на самом деле и обстоит. Если сказала - жив пока, значит, пока и есть. Значит, тоже скоро помрет... Может, у нас на роду так написано, как в сказке... Счастливо жили, мол, и умерли в один день...

- Но как же - счастливо жили... Если вы с отцом и не жили... Как так-то, мам?

- А вот так, Нюрочка. Об этом и хочу тебе рассказать. Пришло время... И не перебивай меня, просто сиди и слушай.

- Да я слушаю, мам, слушаю...

И в такой важный момент - стук в дверь! Как же некстати! И у мамы на лице досада видна, и голос прозвучал грустно-насмешливо:

- Иди... Опять твой кавалер заявился, наверное. Вот же, и поговорить не дал, шельмец...

– Он не шельмец, мам... Он добрый хороший человек. Просто всегда и везде бывает некстати. Так получается почему-то. Сама не знаю, почему...

– И все равно – не люблю я этого твоего! Не лежит душа. И все тут! Уж прости, говорю как есть!

Она и сама знала, что мама недолюбливает ее коллегу – школьного учителя физики Николая Николаевича. И это немудрено было, потому что любить, по большому счету, этого человека было трудно. Слишком уж скучен был. Зануден. Как мама про него говорила – тот самый, который из футляра. Она ее поправляла:

– У Чехова рассказ называется «Человек в футляре», мам. Но тут я с тобой не согласна, вовсе Николай Николаевич на чеховского Беликова не похож... Скорее он на Ипполита Ипполитовича похож. Помнишь, я тебе читала рассказ того же Чехова «Учитель словесности»?

– Помню, помню... Это который либо молчал, либо говорил о том, что и без него все прекрасно знают. Волга впадает в Каспийское море, лошади кушают овес и сено?

– Ну и память у тебя, мам...

– Так слава богу, из ума не выжила еще! Ноги не ходят, потому все силы в голову идут! Иди и открывай дверь своему Ипполиту Ипполитовичу, заждался уже, наверное. Кавалер...

Николай Николаевич и впрямь проявлял к ней неуклюжий интерес. И все в школе это давно поняли. И ожидалось, что они вроде как должны и обязаны теперь «соединить в одно целое одинокие судьбы», как высокопарно выразилась однажды директриса Нелли Максимовна. И завуч Александра Антоновна ее в этом поддерживала и не раз намекала ей, что давно пора взять инициативу в свои руки. Потому что сам Николай Николаевич никогда не осмелится сделать решительный шаг.

Да только не собиралась она ничего такого делать, конечно же... Просто сказать об этом напрямую Николаю Николаевичу тоже не осмеливалась – не хотелось обижать доброго человека.

Открыла дверь, улыбнулась ему приветливо:

– Добрый вечер, Николай Николаевич! Заходите! Может, поужинаете с нами?

– Нет, спасибо, я сыт... – благодарно улыбнулся Николай Николаевич, снимая с шеи теплый шарф и аккуратно складывая его на полочку. Потом так же аккуратно стянул с ног ботинки, наклонился, поставил их в сторонке рядышком. Куртку повесил на плечики, тоже очень аккуратно пристроил одежду в шкаф.

Эта аккуратность была раздражающе занудной, хотя, казалось бы, что в этом плохого? Но... Столько значения при этом придавалось каждой детали, что напрочь отпугивало от мысли о «соединении в одно целое одиноких судеб». И почему, интересно, для этого потенциального «соединения» Николай Николаевич выбрал именно ее? Ведь были же еще претендентки, гораздо более покладистые и терпимые к недостаткам. Да это ведь и недостатками назвать трудно! Такая излишняя аккуратность многим даже понравилась бы!

– Тогда, может, чаю с нами выпьете, Николай Николаевич?

– С удовольствием, Анна Павловна... Чаю – с удовольствием... Холодно сегодня, да. Зима начинается. Хотя ноябрь считается по календарю еще осенним месяцем. Но у нас на Урале в ноябре уже снег лежит, поэтому вполне можно говорить о начале зимы.

Она усмехнулась про себя, вспомнив, как только что они с мамой вспоминали чеховского Ипполита Ипполитовича. Который всегда либо молчал, либо говорил то, о чем и без него все прекрасно знают. Дался же ей этот Ипполит Ипполитович... Не надо бы обижать бедного Николая Николаевича – даже в мыслях! В конце концов, он ничего плохого ей не сделал...

Николай Николаевич медленно прошел в комнату, поздоровался с мамой, склонившись почтительно. И в этой почтительности, слегка излишней, тоже было что-то раздражающее, хотелось разбавить это ощущение чем-нибудь веселым и несурзным. Или хотя бы расшевелить человека на живое общение... Ну нельзя же быть таким сухим и скучным, ей-богу!

– А чай мы будем пить с медом, Николай Николаевич! Вы любите мед, надеюсь?

– Да. Мед очень полезен для организма, Анна Павловна. Там много витаминов и микроэлементов. Особенно в зимний период полезно пить чай с медом.

– Да вы что? Неужели правда? – чуть ехидно спросила мама, покачивая головой. – Неужели, как только на улице холодать начинается, там сразу больше этих самых микроэлементов проклевывается?

– Да нет... Не в том дело... Просто организму они становятся более необходимы...

– Ну, тогда понятно, что ж... – со скрытым сарказмом проговорила мама, коротко глянув на Николая Николаевича. – Тогда все понятно...

Пришлось глянуть на нее умоляюще – не надо, мам... Оставь человека в покое. Он же не виноват, что именно так устроен...

Потом сидели, пили чай молча. Николай Николаевич аккуратно подхватывал из розетки мед, медленно тянул ложку ко рту, потом аккуратно прихлебывал чай из чашки. Лицо у него при этом было весьма задумчивым, казалось, он в этот момент выстраивает по ранжиру все нужные витамины и микроэлементы, поступающие в его организм. Оставалось только надеяться, что это чаепитие надолго не затянется.

Вот Николай Николаевич доел мед из розетки, отодвинул от себя пустую чайную чашку, вздохнул, сложил перед собой руки. Они были похожи на женские – такие же белые и гладкие. Посмотрел на маму, будто собирался что-то сказать... И тоже, как мама, отвел взгляд к окну. И только тогда проговорил тихо, будто заискивая:

– Да, Софья Григорьевна, красивый у вас вид из окна... Рябина красная, много рябины... Только ведь она свет с улицы заслоняет, я думаю. Надо бы срубить лишние деревца...

– Еще чего – срубить! – возмущенно ответила мама, отворачиваясь от окна. – Что вы такое говорите – такую красоту, да срубить! Я ж всю зиму люблюсь, как мне эта рябина в окошко оранжевыми солнцами светит! Еще чего...

– Так ведь все равно птицы склюют... – нерешительно добавил Николай Николаевич.

– Ну, склюют чуток... И пусть... Им ведь тоже есть хочется, птицам-то. А мне и не жалко, пусть!

Видимо, услышал что-то Николай Николаевич для себя неприятное в мамином голосе. Вызов какой-то. Мол, погостил немного, мил человек, попил чайку с медом, хватит с тебя. Пора и честь знать. Вот бог, вот порог...

Улыбнулся неловко, вставая из-за стола, проговорил тихо:

– Да, засиделся я у вас... Спасибо за чай, было очень вкусно. Домой пойду. Скоро по первому каналу программу «Время» будут транслировать, не опоздать бы. Я каждый вечер перед сном программу «Время» смотрю.

– Ну да, ну да... Как же можно уснуть, про все новости в родном государстве не узнавши? – покивала головой мама, не пытаясь скрыть иронии в голосе. – Без наших новостей и сон человеку не сон... Вдруг чего важное случилось, а он знать не будет? Вдруг без него свершится чего?

Николай Николаевич ничего не ответил, молча развернулся, пошел к двери. Одевался медленно и основательно, даже, можно сказать, задумчиво. И вдруг проговорил, тихо вздохнув:

– Не любит меня ваша мама, Анечка Павловна, ох, не любит... И сам не понимаю, за что. Хотя и понимаю, кажется... Она просто ревнует, наверное. Чувствует с моей стороны опасность, вот и не жалуется... Скажите, я немножечко прав, да?

– Ну что вы, Николай Николаевич... Не обижайтесь на маму, пожалуйста. Просто у нее характер такой...

– Да я и не обижаюсь, что вы. Просто... Я хотел вам сказать... И даже не сказать, а... Как бы это выразиться, слов не подберу...

– Ну, когда подберете слова, тогда и выразитесь, – улыбнулась она, открывая дверь. – А сейчас... Всего вам доброго, Николай Николаевич.

– Нет, погодите... Я хотел не сказать, я пригласить хотел... На ужин завтра вас пригласить. Ведь вы даже ни разу в гостях у меня не были, не видели, как я живу. Вот я и хотел... Завтра... Завтра ведь суббота, все люди отдыхают и в гости друг к другу ходят...

– А вот как раз завтра я и не могу, Николай Николаевич. У нас с мамой по субботам банный день. Сами ж знаете, какая это морока – баню топить. Мы с соседкой по очереди свои бани топим, у нее тоже мама привыкла по субботам к банному дню, вот мы и кооперируемся. Так что извините, никак не могу...

Николай Николаевич поморщился слегка досадливо – то ли от ее отказа, то ли от подробностей банного дня. Выходит, испортила она ему заготовленную заранее романтику. Как нынче говорят – обломала.

– Может, тогда в воскресенье, Анна Павловна? В воскресенье у вас нет банного дня?

– А в воскресенье ко мне сын приезжает... Мне с ним побыть надо... Нет, в воскресенье тоже не могу, простите.

– Ну ладно, что ж... Тогда в другой раз... До свидания, Анна Павловна. Пойду я.

– До свидания, Николай Николаевич. Всего вам доброго. Может, вас проводить? Собаки не испугаетесь?

– Да нет, ваша собака даже из будки не выскочила, когда я по двору шел.

– Плохо дело, значит... – тихо себе под нос пробурчала она, закрывая за ним дверь.

Все-таки сдал Милорд, все-таки помирать собрался. Старый уже. Но лучше не думать об этом сейчас, не время сейчас, не время... Потом она к нему выйдет, когда мама спать уляжется. Потом...

Мама сидела за столом надутая, по-прежнему смотрела в окно. Увидев ее в дверях, проговорила сердито:

– Ишь, чего предложил твой поганец – рябины срубить! Гляди-ка, командует в чужом дому! И ходит сюда, и ходит... Чего ходит-то, чего потерял? Иль тебе нравится, что он ходит? Ты, Анюта, скажи, я ведь все пойму, я возражать не стану, если... Если ты и впрямь надумала с ним свою жизнь связать...

– Да ничего я такого не надумала, мам! С чего ты взяла?

Мама будто и не услышала ее вопроса, продолжала упорно гнуть свою линию:

– Может, и впрямь так надо... Может, есть в этом своя недолга. Какой-никакой, а мужик под боком на старость. Годы ведь назад не повернешь, а одинокая старость, она тоже, наверное, не сахар... Не всякой бабе она по плечу... Правильно я тебя угадала, Анюта? Есть такие мыслишки в голове, признавайся?

– Да ну тебя, мам... Скажешь тоже! Да я ж с тоски помру, ты что! Издеваешься?

– И то верно... Не пара он тебе, точно с тоски помрешь. Нет уж, другого тебе мужика надо, совсем другого. Чтоб душа у него живой да гибкой была, а не как у этого, сухой деревяшкой. Чтоб мир вокруг себя видел... Вот я помру, предстану перед Господом, да и попрошу у Него, чтоб тебе такого мужа послал. Да, да, так Ему скажу – не надо мне для себя ничего, а доченьке моей дайте, не обойдите милостью! Чтобы любила мужа посланного, чтобы он ее любил...

– Да какого мужа, мам... – отмахнулась она досадливо. – Была я уже замужем, любила, хватит с меня... Тоже ведь думала, что если я люблю, то и меня любят...

– А ты не вспоминай больше своего Ромку, ну его к лешему! Вишь, какой оказался приспособленец! Вот погоди, захочет еще покусать локоток, да не получится... Вот будет у тебя другой, тогда и пожалеет!

– Да не будет никакого другого, мам... Ну откуда он возьмется, сама подумай? Наши поселковые возрастные женихи все известны наперечет... Николай Николаич из всех и есть самый достойный, пожалуй.

– Его, что ль, хочешь?

- Да нет же, говорю тебе! Это я к тому, что я никакого чуда и не жду, знаю, что никого у меня не будет.

- А я говорю - будет! Уж я попрошу от души, от сердца! Когда там буду... Вот как предстану, так и попрошу. Мне есть что от себя предъявить... Давний должок стребую. Есть должок, есть, уж я так понимаю. Скоро уже и стребую...

- Mam, ну перестань, правда! Что у тебя сегодня за разговоры такие?

- Да нормальные разговоры... А чего ты сердишься, не пойму? Чего противишься? Почему бы тебе за хорошего человека замуж не пойти? Ты у меня какая... Загляденье, а не баба. Как та рябина за окном - чем злее морозы, тем она ярче да вкуснее становится. Так и ты...

- Хм! Надо же, какой ты мне красивый комплимент отвесила, мам! Сравнение-то какое поэтичное... Спасибо...

- Да на здоровье! Если это правда, так что ж теперь?

- Mam... Ты вроде рассказать мне что-то хотела...

- Я хотела?

- Ну да... Сказала - про отца моего рассказать пора...

- Ой, да ну... Что-то настроение пропало, Анют. Этот твой... Который в футляре... Ушел и все настроение с собой унес. Потом поговорим, ладно? Я ж сегодня еще помирать не собираюсь. Включи-ка лучше телевизор, я сериал досмотрю, чем там все дело кончилось.

- Хорошо, мам... А я тогда к Еве схожу, насчет бани договорюсь. Завтра ее очередь баню топить, в прошлую субботу в нашей бане мылись.

- Иди, что ж... Матери ее, Любке полоумной, от меня привет передавай. Хотя чего толку ей приветы передавать, все равно Любка давно никого не помнит и не узнает... Это тебе еще повезло, что я у тебя в здравом уме пребываю. А то бы тоже, как Евка, судьбу свою каждый день кляла. Кстати, чего ты Евой ее зовешь,

если она никакая не Ева, а как есть Дунька?

– Она ж Евдокия, мам. Значит, Ева. Она обижается на Дуньку. И ты ее так не называй, пожалуйста.

– О как... Обидчивые обе какие. Одну Нюрой не смей назвать, другую Дуней... Кстати, не забудь Дуньке сказать, чтобы баню шибко не топила! А то нашпарит опять, не продохнуть...

– Скажу, мам. Только не Дуньке, а Еве скажу. Я ж тебя попросила ее так больше не называть.

– Ладно, не буду. Жалко мне, что ли. Если она сама себя Евой зовет, пусть Евой и будет. Она ж не виновата, что мать ей такое имя придумала – Евдокия... Я еще тогда Любке говорила, когда она на сносях ходила: радуйся, глупая, что доченька у тебя будет... Хоть и нечаянная, нежданная, без отца будет расти... А она вон что учудила, Любка-то! Евдокией дочку из вредности назвала! Чтобы и по жизни той Дунькой шла... Так все и сложилось у девки, что ж. Дунька... она и есть Дунька. И судьба у нее Дунькина.

– Мам, ну перестань...

– Ладно, ладно, больше не буду. Иди к своей подружке, иди, коль собралась... Обе вы горемычные, по рукам и ногам связанные... Я-то скоро помру, а Любка еще до-о-олго из Дуньки будет все соки тянуть. То бишь из Евы, прощенья просим...

* * *

Идти было недалеко, дом школьной подруги находился по соседству, только через лазейку в заборе нырнуть. Пока шла по двору, задумалась вдруг: а все же подруга Евка или просто соседка? И не поймешь... Да и нет, наверное, никакой разницы. Иногда люди живут с соседями многие годы бок о бок, не задумываются о степени близости. Оно ж все рядом, в шаговой доступности! Все признаки дружбы налицо – и денег в долг попросить, и в жилетку всплакнуть, и своим сочувствием щедро поделиться, если надо. Вот и Евка, получается, ей не чужая. И соседка, и подруга в одном флаконе. Родились в один год, выросли

вместе, в школу ходили вместе, даже за одной партой сидели. Хотя, если так посмотреть... Они такие с Евкой разные! И по характеру, и по привычкам... Если бы не жили по соседству, то вряд ли их дружба сложилась бы. Вот и рассуждай после этого – подруги они или нет...

Да и зачем о таких пустяках рассуждать? Все равно что воду переливать из пустого в порожнее. Как бы там ни было, а Евка на сегодняшний день для нее близкий человек, ближе некуда. Может, потому, что оказались со своей проблемой обе один на один. То есть перед отдачей дочернего долга – лицом к лицу. Правда, надо признать, что Евкин долг с ее долгом и не сравнить. Она-то с радостью его несет, а Евка из сил выбивается. Может и сломаться. Да и она бы сломалась на ее месте, давно бы сломалась...

Евкина мать, тетя Люба, свою дочь никогда особо не жаловала, об этом все знали. Она и рожать ее не хотела, как мама рассказывала. Да, она такая была, эта самая Люба... Странная с молодости. А к старости эта странность облеклась в более тяжкие формы, так что Евке доставалось по полной программе.

Говорили, что Люба в девках была хоть и странной, но очень красивой. Тонкая фигурка, голубые глаза, взгляд наивно-доверчивый. Этакая Ассоль местного снегиревского разлива, которая ждет не дождется, когда прекрасный капитан Грэй примчится за ней на алых парусах. И ладно бы она потихоньку своего Грэя ждала, как та самая книжная Ассоль! Нет ведь! Любочка в каждом парне, в каждом мужчине своего Грэя видела, каждому готова была открыть свои нежные объятия! Вот местные «грэи» этим и пользовались напропалую. Мать и отец у Любы рано умерли, никто «грэям» не препятствовал дорожку к дому Любы топтать. И не задумывался никто, почему так происходит. Может, девчонку надо было вовремя к психиатру отвести, чтобы этот синдром Ассоль искоренить напрочь.

К рождению дочери Люба отнеслась с некоторой обидой – как же так-то, ведь не романтично без Грэя-то! Хотя кто из потенциальных «грэев» был биологическим отцом Евки, так и осталось тайной. Может, от обиды Люба и дочь новорожденную так неказисто назвала – Евдокией. Дунькой то есть. Маленькая Евка так и говорила потом ей, чуть не плача:

– Ведь она из вредности меня так назвала, Ань! Совсем меня не любит, я знаю... Вон тебя твоя мать как сильно любит, мне аж завидно! А моя – ни фиги не любит... В доме пожрать – шаром покати, а ей все равно! Платье нарядное

наденет, губы яркой красной помадой намажет... и в клуб пошла! Потом еще и мужика домой приведет... Вот бы ее замуж выдать, а, Ань? Может, тогда добрее бы стала. Хотя все равно мне теперь Дунькой ходить, имя-то назад не вернешь...

- А моя мама говорит, что Дуня - это хорошее имя... - пыталась она как-то утешить подружку. - Что раньше многих так называли... Меня тоже мама иногда Нюркой называет, так и что теперь?

- Не... Нюрка - это еще ничего. К тому же у тебя и нормальное имя в запасе есть. Знаешь, я думаю, что мне моя мамка просто отомстить хотела, поэтому так меня назвала...

- Отомстить? За что отомстить?

- Ну, что я непрошеной на свет появилась. Она вовсе ведь не хотела меня рожать, я знаю. Будто бы я ей назло родилась...

- Да ну... Так не бывает, что ты.

- Откуда ты знаешь, как бывает, как не бывает? Не знаешь, так и не говори!

- Ну не сердись, Дуня...

- Да я не сержусь. Знаешь, я придумала, как мне не быть Дунькой. Я Евой называться буду. Евдокия - как Ева. Красиво, правда?

- Да, очень красиво...

- И ты меня тоже Евой зови, ладно?

- Ладно, Дунь. То есть... Ладно, Ева. Я привыкну, честное слово, привыкну...

И впрямь ведь - привыкла! Когда сегодня мама по старой памяти Евку Дунькой назвала, удивилась даже. Какая еще Дунька, откуда взялась?

После школы их пути разошлись – она уехала в город, поступила в педагогический, на третьем курсе вышла замуж за Ромочку. А Ева после школы подалась на Север по вербовке. Так и говорила всем – заработаю много денег, куплю себе квартиру в городе, мужа хорошего найду. Жить буду, как хочу, никто мне не указчик... Так все и случилось. И квартиру купила, и жила, как хотела. Все исполнилось... кроме личного счастья. То есть муж оказался совсем не тем, какого Евка себе намечтала. И семейно-квартирный вопрос тоже со временем дал трещину, потому как с мужем не просто не заладилось, а случилась настоящая война по причине все того же пресловутого квартирного вопроса. То есть при разводе муж потребовал себе половину. Несмотря на то что Евка после развода оставалась с маленькой дочкой на руках. Но Евка и тут сумела извернуться – каким-то образом оформила квартиру на мать. Как ей это удалось – одному богу известно. Вот и получается, что мать Евке пригодилась... С одной стороны – хорошо, а с другой – не очень. Потому как Люба после Евкиного развода напрочь отказалась переделывать документы на квартиру обратно на Евку. Что ею при этом руководило – тоже одному богу известно. К тому времени психическое здоровье у Любы совсем пошатнулось, уже ни один психиатр ей бы помочь не смог. Жалкое она собой представляла к тому времени зрелище – ходила-бродила постаревшая Ассоль по Снегирям, высматривала себе очередного Грэя... Но в Евке свою родную дочь еще пока признавала. Это сейчас плохо с головой у нее стало, а тогда ничего еще было, да...

Сама Евка к матери ездила редко, но и совсем ее не забывала. Приезжала, убиралась в доме, холодильник продуктами заполняла. А потом соседи начали Евке звонить – делай, мол, что-то с матерью, пристраивай куда-то, она совсем дурит... Однажды дом чужой чуть не спалила ни с того ни с сего. А в другой день стриптиз около школы устроила. И вообще, неизвестно было, что она еще может выкинуть...

Евка и собралась этим вопросом заняться, устройством матери куда-нибудь, да что-то ее остановило. Может, мать пожалела, может, еще какие обстоятельства были. Потому и уволилась с городской работы, приехала жить в Снегири. Как говорила – временно. Чтобы просто осмотреться, по интернатам в округе поездить, выбрать что-нибудь подходящее для матери. Заодно и врачам ее показать, может, что-нибудь посоветуют. Да только что они могли ей посоветовать, ничего толком и не могли... Сказали – будет ваша мама жить долго. Организм по физиологии работает как часы, и сердце стучит, как пламенный мотор, а мозг отказывает потихоньку и довольно причудливо. Так причудливо, что оторопь берет... И ничего не поделаешь, если природа так распорядилась. И самый главный мучительный вопрос – зачем... Зачем этой

природе надо было красивую женщину в такое стыдное безумие отправлять – неизвестно. И Евке жизнь портить – зачем? Получилось, что она теперь к матери цепями прикована, ни на минуту ее оставить не может. Вот и приехала, что называется, осмотреться. Ага. Не зря говорят, что нет ничего более постоянного, чем временное.

Вздрагнув то ли от холода, то ли от грустных мыслей, Аня взбежала на крыльцо, постучала костяшками пальцев в дверь. Слышала, что за дверью было шумно – опять Евка с матерью ругалась. Не вовремя, стало быть, она заявила. Хотя – когда ж оно вовремя-то? Если они все время ругаются...

Вдруг за дверью стало очень тихо, и она снова постучала. Услышала, как Евка торопливо идет к двери, отступила на шаг.

– Привет! – сиплым шепотом проговорила Евка, распахивая дверь. – Давно стучишь, наверное?

– Да нет... А почему ты шепотом говоришь, Ев?

– А моя мамаша приказала организовать тишину в палате, она почивать изволит... Сегодня у нее новая блажь, будто она в больнице лежит. А я у нее что-то навроде сиделки или нянечки, персонал самого нижнего ранга. Только что отчитывала меня, что пол в палате плохо помыт. А в обед борщ был пересолен... В общем, все у нас по-прежнему, только интерьеры меняются. Да ты заходи, Ань, чего мы на холоде тут...

– А тетя Люба точно почивать отправилась, Ев?

– Боишься, да? Не бойся. Ты, может, у нее за главного врача по рангу сойдешь. С большим уважением отнесется, не бойся. Помнишь, как она тебя в прошлый раз приняла за телевизионную дикторшу?

– Да я и не боюсь... Я и заходить не собиралась. Только про баню хотела уточнить. Какую будем топить, твою или мою?

– Так мою, наверное... Моя ж очередь вроде. Завтра к обеду истоплю.

- Да? Ну ладно... Пойду я тогда...

- Постой, Ань! Куда торопишься-то? Зайди хоть, скрась мое существование бестолковое. Выслушай, жилетку подставь. Подруга ты мне или кто?

- Да подруга, подруга... Ладно, зайду ненадолго. Послушаю. Можешь прямо сейчас начинать припадать в жилетку.

- Да ладно... Это ж я так про жилетку сказала, между прочим. Тебе и самой эта жилетка нужна не меньше, чем мне. Тоже ведь несладко приходится, я знаю. Просто ты не хнычь никогда, молодец.

- Да нормально у меня все, Ев. И даже очень нормально...

- Ну да, как же. Вся личная жизнь прахом пошла... и нормально.

- Зато я маме нужна, Ев...

- Ой, не говори мне ничего такого, Анька, не начинай даже! Знаю я эту твою песню про святую выплату долга, сто раз уже слышала! Давай лучше проходи на кухню... Чаю попьем...

- Да я напилась уже чаю, Ев. Я просто так с тобой посижу, ладно?

- Ну, тогда коньячку... У меня припрятан шкалик, сейчас достану.

- Нет, и коньячку не хочу. Ты же знаешь, я не любительница.

- Зануда ты, а не любительница! Надо ж как-то расслабляться, иначе с ума сойдешь, в нашем-то с тобой положении!

- Из-за чего расслабляться, Ев? У меня все хорошо, не надо мне ни от чего расслабляться.

- Во-во... Ты не только зануда, Анька, ты еще и блаженная. И минуты не прошло, как у тебя от «все нормально» к «все хорошо» перешло! А еще через минуту у

тебя уже все расчудесно будет, да? Вот вся ты в этом и есть... Все хорошо у нее, гляньте-ка! Просто со всех сторон счастливая женщина! Завидно даже, ей-богу!

- Евка, отстань... Пей свой коньяк, если тебе надо. Чего привязалась?

Евка хмыкнула, глянула исподлобья, заправила за ухо прядь отросших после стрижки волос. Не шла ей эта отросшая стрижка, неряшливо смотрелась. Да и вся Евка была какой-то отчаянно неухоженной, будто даже кичилась этим, напоказ выставляла. Мол, если живу в таких обстоятельствах, то и соответствовать им буду! И попробуйте сказать мне что-нибудь! Совсем на дно опущусь, постарею, помру... Назло этим самым обстоятельствам...

- Ев... Ты бы лучше лекарства какие попила успокаивающие... Ну что так прям... Смотреть на тебя больно, честное слово, - жалобно промямлила Аня, тронув Евку ладонью за плечо.

- А ты не смотри, если не нравится, - довольно спокойно ответила Евка, наливая себе коньяк в рюмку. - Хотя за сочувствие спасибо, конечно. Оно у тебя шибко сладкое, Ань, уж поверь мне на слово, я знаю, что говорю. Немногие так сочувствовать умеют. Иные вроде хорошие слова говорят, добрые да правильные, а с изнанки - только насмешливость да злорадство. А у тебя вкусно жалеть получается, будто горячий чай с мороза пьешь и медом прикусываешь.

- Как ты красиво говоришь, Ев... И сравнения интересные приводишь... Может, в тебе литературный талант пропадает, а?

- Не, никаких талантов во мне нет. А относительно красивых сравнений... Так ведь насобачилась уже, Ань! Сколько романов перечитала, чтобы от своей жизни отвлечься! А в романах - у них же так... Все красиво прописано, каждое дерьмецо в блестящую обертку завернуто. Вот и плещется из меня эта самая беллетристика, сама себе иногда удивляюсь!

- А где ты эти романы берешь, Ев?

- Так в библиотеке нашей... Особенно я зарубежных романисток уважаю, уж так они сладко завернуть могут, прям слезу вышибает!

– М-м-м... Знаю, знаю... Графиня с изменившимся лицом бежит к пруду...

– Ну зачем ты так?

– Ладно, прости. Не буду больше. Читаешь, вот и читай на здоровье.

Говорили они шепотом, изредка оглядываясь на дверь комнаты, в которой почивала тетя Люба. Потом Евка проговорила громко:

– Да ладно, не оглядывайся, теперь уж она точно уснула. Если бы не уснула, обязательно выплыла бы, командовать начала. И это еще хорошо, когда она вот так... В больнице себя представляет. Три дня назад все по-другому было, когда она звездой дискотеки себя видела. Первой красавицей, юной и длинноногой. Весь день красилась, перед зеркалом вертелась в короткой юбке... И где она только эту юбку откопала! Представляешь мою матушку в короткой юбке – в ее законные восемьдесят годков?

– Нет, не представляю...

– А вот то еще зрелище. И даже не представляй, не надо. Я все думаю, что она в этом зеркале видит, интересно? Неужели оно ей подыгрывает? Но ведь этого не может быть... Со зрением-то у нее все в порядке. Как так получается, а? Просто загадки психики без разгадок...

– Я думаю, она видит то, что хочет видеть. Игра воображения происходит, зеркальное искажение реальности.

– Ну да, может быть... Ладно бы, если бы она только перед зеркалом дома вертелась – ведь нет... Еще и на улицу норовила нырнуть, чуть не дралась со мной! Визжала, что ей на дискотеку надо, а я ее не пускаю. То-то бы народ развлекся, ага... Всякие же придурки есть. И подобным зрелищем могут развлечься. Эх, да что говорить... Даже не знаешь, что завтра с ней будет, как причудливо остатки сознания повернутся...

Евка говорила все громче, подливала коньяк в рюмку, опрокидывала в себя залихватски. Щеки ее разгорелись, глаза светились темным огнем. В какой-то момент она произнесла уже очень громко, сложив руки на груди:

– Ну вот за что мне такое испытание, Анька, а? Что я плохого в жизни кому сделала, скажи? Ну за что, Анька? За что?

Аня ничего не успела ответить – со стороны двери в комнату тети Любы произошло какое-то шевеление, и вскоре сама она предстала перед ними: заспанная, в короткой ночной рубаше, не прикрывающей болезненно выпуклых старческих коленок.

Подойдя к столу, тетя Люба направила сухой палец в сторону Ани, спросила строго:

– Вы кто? Вас из собеса прислали, наверное? С проверкой прислали, да? Посмотреть, как тут надо мной издеваются?

– О... Вот это новости... – тихо охнула Евка, глянув на Аню. – Успели уже декорации поменяться, значит... Теперь у нас тут собес будет, повышения пенсии требовать начнет.

– А вы кто? – резво развернулась к дочери тетя Люба. – Что за манера такая – не представляться? Где у вас тут заведующая? Я сейчас жалобу напишу!

– Завтра напишете жалобу, на сегодня прием закончен! – четко проговорила Евка, поднимаясь со стула. – Пойдемте, я вас до выхода провожу... А завтра с утра ждем вас с жалобами... С нетерпением ждем... Все жалобы рассмотрим, по всем примем решение, всех виновных строго накажем... Пойдемте, пойдемте...

Нежно обняв мать за плечи, Евка ловко увела ее в комнату, махнув от двери Ане – сиди пока... И вскоре вернулась, проговорила тихо:

– Уснула... Когда она вот так среди сна встает, то быстро потом снова засыпает... А что утром будет, не знаю. Надолго меня для такой жизни хватит, Ань? А вдруг я тоже скоро с ума сойду? Вдруг у меня наследственность?

– Да нет у тебя никакой наследственности, успокойся.

– Думаешь, нет? А вот я где-то читала, что безумие – вещь заразная.

- То есть?

- Ну да... Передается как грипп. Если общаешься изо дня в день с безумным, то легко инфицируешься.

- Да ну! Кто тебе такую ерунду сказал?

- Я ж тебе объясняю - читала где-то! Может, не инфицируешься, но проникаешься до мозга костей этим безумием. И мне иногда кажется, что я уже... того... тоже с ума сходить начинаю.

- Перестань, Евка! Не говори ерунды! И не читай всякие глупости!

- А еще я все время думаю, Ань... Вот бы мне куда маму определить, а? В хорошее место, где честно за стариками ухаживают... По совести чтобы...

- А разве такие места есть? Чтобы честно, да еще и по совести?

- Ну, возможно, и нет... Но я же об этом знать не буду. Определю ее куда-нибудь, вот и все дела. И буду жить себе дальше спокойно.

- А сможешь? Чтобы спокойно жить - сможешь?

- Смогу... По крайней мере, имею на это полное право. Мать же меня всю жизнь не любила, это ведь ни для кого не секрет! Это ты своей мамкой вусмерть залюбленная, с тебя и спрос. А с меня... Нет у меня перед ней никаких долгов, правда, Ань?

- Ев... Ну чего ты меня-то об этом спрашиваешь? Этот вопрос каждый человек только сам для себя решает... Ты ж понимаешь, надеюсь.

- Да в том-то и дело, что понимаю... Если бы даже и очень захотела ее пристроить куда-нибудь, все равно не смогу.

- Совесть не позволит, да?

– При чем тут моя совесть! Тут другое, Ань... Тут у меня личное меркантильное обстоятельство... Я ведь, когда с мужем разводилась, сдуру квартиру на мать оформила, представляешь? Ну, чтобы он не претендовал... Да я тебе рассказывала эту историю, помнишь?

– Да, помню, конечно...

– Вот и получается, что в капкан попала. Она ж мне теперь ничего не отпишет обратно, это понятно. А если определять ее куда-нибудь – тоже не вариант... Всегда найдется шустрая санитарочка, которая подсунет завещание подписать или дарственную на свое имя. Мне-то она точно ничего не отпишет, я ж для нее в любом случае враг номер один, кем бы она меня ни представляла. А санитарочки – они такие... Они умеют такие дела запросто проворачивать. Ходи потом по судам, доказывай, что ты не верблюд!

– Но можно ведь официально признать тетю Любу недееспособной, Ев... Оформить все по правилам...

– Да знаю я все, Ань, знаю! Не учи ученого. Ну, оформлю я все бумаги, сдам ее в интернат... А потом душа у меня болеть начнет, совесть мучить...

– Так ты ж говорила, твоя совесть тут ни при чем?

– Ну, мало ли что я говорила! Говорить-то все можно, а вот сделать... Мать же она мне... Вот так и живу с этим в последнее время – вся на разрыве. И хочется, и колется, и совесть не велит. Мыши плакали, кололись, но продолжали есть кактус. Так и я... Не могу принять никакого решения. Мучаюсь, как дура. Я ж не такая блаженная, как ты... Живешь вместе с мамой да радуешься, и все тебе в этой жизни мило да хорошо. Я-то ведь не такая, Ань! Я обыкновенная баба, злая да судьбой обиженная.

– Ты вовсе не злая. Ев... Ты очень хорошая, я знаю.

– Да ну тебя, Анька! Не надо меня жалеть, хватит! Хочешь, чтобы я еще и разревелась, что ли? И коньяк закончился, как назло... Но где-то у меня еще одна заначка была, надо поискать...

- Не надо, Евка. Ты и без того пьяная.

- А я еще больше хочу в эту невесомость провалиться, понимаешь? Убежать от своих мыслей хочу. Знаешь, Ань... Мне иногда кажется, будто они сами по себе в голове образуются, без моего участия. Я не хочу, а они все равно возникают и мучают меня. И даже не мысли это, а вполне себе конкретное понимание того, что происходит. Наверное, старею я... Время пришло для мудрости, которой у меня отродясь не было...

- А что за понимание, Ев? Ты о чем?

- Если тебе и впрямь интересно, то расскажу...

- Давай. С удовольствием послушаю.

- Так уж и с удовольствием! Да зачем тебе моя пьяная мудрость сдалась? Хотя... Ладно. Может, и тебе пригодится. В общем, я к таким выводам пришла, Анька... Мы все, которые на своих родителей в обиженках живем, должны их простить и обязательно пересмотреть свои обиды, иначе нам же и трындец будет, если этого не сделаем. Понимаешь?

- Ну, эта мысль не нова, Ев...

- Для тебя, может, и не нова, а для меня - настоящее открытие! Вот послушай... Ты же знаешь, как я свою мать всю жизнь ненавидела, как обижалась на нее, как стеснялась... Ну, что она за мужиками бегает, как ненормальная... И только недавно вдруг поняла, что она в этом и не виновата совсем. И не в болезни тут дело... Нет у нее никакой психической болезни, понимаешь? Просто она по природе такая. Она всю жизнь любовь ищет. Не ту любовь, за которой бабы-потаскухи убиваются, не телесную, а любовь высшую ищет, этот самый романтический эфир... Как маленькому ребенку нужен эфир материнской любви, так и моей мамке... От этой нужности она все на свете и перепутала, бежит на любой огонек, который чуть-чуть блеснет вдалеке, - а вдруг это любовь и есть? Для нее это жизнь была, а для людей - потеха... Наклеили на нее ярлык сумасшедшей потаскухи и довольны. А она как малый ребенок... Такой и до старости осталась. Мозги набекрень съехали, а потребность в неземной любви жива-живехонька. Я как начинаю обо всем этом думать, Ань, так мне жалко ее становится! И ночами реву... Иногда думаю даже, что в ненависти да презрении

легче жить, чем в жалости и понимании...

- Нет, Евка, не легче. Ты молодец, что все это поняла, правда. Лучше поздно, чем никогда. Молодец...

- Да ладно тебе. А вообще, спасибо, что поняла меня... Я боялась, что не поймешь. Говорю же - сама стыжусь этого своего... перерождения. Так и прячусь по-прежнему за досадой и ненавистью. А сейчас напилась - и прорвало...

Евка всхлипнула, прижала дрожащую ладонь ко рту. Аня проговорила быстро, махнув рукой:

- Ладно, Евка, не реви! Я ж горжусь тобой, дурочка!

- Спасибо, Ань... И это... Иди домой уже, ладно? Мне сейчас одной побыть надо...

- Да, я пойду. А ты ложись-ка лучше спать, утро вечера мудренее. К тому же у нас с тобой завтра нелегкий день. Банный...

- Ну да, согласна. День и правда хлопотным будет.

- Вот и ложись... А мне правда пора уходить, я ж маме обещала, что быстро вернусь. А мы засиделись, выходит. Пойдем, проводишь меня до крыльца...

Обратно она бежала бегом - к ночи на улице подморозило. Услышала, как в темноте слегка громыхнул цепью Милорд - живой, значит... И то хорошо. Хватит на сегодня печали, и без того уже набралось по самую макушку. Завтра и впрямь трудный день...

Уже поднимаясь на крыльцо, оглянулась... Евкино окно на кухне погасло - ушла спать.

Хорошая она, Евка. Надо же, как их жизнь обратно свела. И вроде жили долгое время по разные стороны баррикад, а жизнь свела - и снова подругами стали.

Вошла в дом, прислушалась. Тихо в маминой комнате. Значит, тоже уснула, не дождалась ее...

* * *

На следующий день Евка позвонила ей ближе к обеду:

– Все, баня почти протопилась, Ань! Кого сначала поведем, мою мамочку или твою?

– Да как скажешь, Ев... – тихо удивилась Аня этой непривычно произнесенной «мамочке» в адрес тети Любы. Хотя... Чего удивляться-то, после вчерашних Евкиных откровений?

– Давай тогда сначала мою... – деловито предложила Евка. – Я ей сказала, что все девочки сегодня в сауну собрались. И она тоже пойдет. Приходи где-то через часок, ладно? Девочкой для сауны нынче будешь. Не возражаешь, нет?

– Да ну тебя... – не сдержала смеха Аня.

– А что? Побудешь в новой интересной для себя роли. Когда еще такое пережить придется? Так что флаг тебе в руки, перевоплощайся пока!

Ровно через час она выскочила из дома, перебежала в Евкин двор, постучала в закрытую дверь. Евка открыла, проговорила громко, повернув голову назад:

– А вот и Аня уже пришла! Сейчас в сауну пойдём, пора собираться!

Наклонившись к Аниному уху, Евка прошептала быстро:

– Все утро перед зеркалом опять крутится... Собиралась лицо малевать, но я сказала, что в сауну девочки ненакрашенными ходят. Если косметика потечет, некрасиво, мол, будет. Вроде согласилась...

Вышли из дома все втроем, направились по тропинке. Баня у Евки стояла в конце участка, у забора. Получалась маленькая прогулка – надо было весь огород по периметру перейти.

– Девочки... А какие мужчины в сауне будут? – кокетливо спросила тетя Люба, ухватывая Аню под локоток.

– Хорошие будут, конечно... – деловито подтвердила Евка, подставляя матери и свой локоть тоже. – Очень качественные мужчины должны быть... Держись, не упади...

– Ой, а я не накрасилась! Как же так-то? – огорченно проговорила тетя Люба.

– Да я ж тебе объясняю – в сауну девчонки не красятся! – терпеливо проговорила Евка. – В сауне и без того все красивые, все румяные после пара! Просто глаз не оторвать, какие красивые!

– Только вы не думайте, девочки, что я из таких... Я первый раз в сауну иду с мужчинами...

– Да мы не думаем, что ты... Мы и сами не из таких, мы приличные девочки! Подумаешь, один разочек в сауну сходим! Разве от нас убудет?

– Не важно ведь, где можно свою судьбу найти, правда, девочки? Свою любовь... – мечтательно ответила тетя Люба, тяжело переступая ногами по хлипкой тропе. Снега уже не было и в помине, за ночь растаял, оставив после себя грязную жижу.

Так и дошли в разговорах потихоньку. Отворив перед тетей Любой дверь бани, Евка обернулась к ней, проговорила тихо:

– Ты иди домой, Ань... Я ее быстро вымою. Позвоню тебе, когда закончим.

– Но как же, Ев? Тетя Люба же одну «девочку» потеряет!

– А я скажу, что ты за мужчинами пошла. Иди...

– Ну как скажешь, ладно...

Евка хмыкнула, потом проговорила весело, слегка ерничая:

- И смотри, плохих мужчин нам не надо! Мы ж девочки разборчивые! Плохого не держим, сразу выбрасываем!

Аня не сдержалась, снова засмеялась тихо:

- Да ну тебя, Евка... Нельзя такими вещами шутить...

- Иди давай, иди, поспедай! А то вдруг всех приличных мужчин разберут! Я тебе позвоню, иди...

Дома мама встретила Аню удивленным вопросом:

- Что, Любу помыли уже? Вы ж только что ее повели, я в окно видела...

- Нет, мам. Евка сказала, что сама справится.

- Ну да, в этом Евке больше повезло, Люба ж своими ногами ходит... А тебе опять со мной маяться придется. Коляску-то по такой грязи не протащить!

- А мы без коляски обойдемся, мам. Перенесем с Евкой тебя в одеяле, как в прошлый раз. Она с одного конца держит, я с другого...

- Так тяжело же!

- Нет, не тяжело. Ты легкая, мам. Ничего, мы справимся, не переживай. Я сейчас, пока Евка не позвонила, посуду успею помыть да для бани все собрать... Ты полежи пока, отдохни, сил наберись.

- Чаю не забудь в термос налить... С травами сделай. С мятой, с душицей.

- Да, мам. Хорошо, что напомнила, молодец.

- Любка-то как сегодня себя ведет? Не буйствует?

- Нет. Вполне прилично себя ведет.

- Поэтому Евка тебя домой отпустила?

- Не знаю... Наверное...

Евка позвонила через два часа, произнесла севшим уставшим голосом:

- Приходи за нами, Ань... Мама после бани размякла, мне ее одной не уволочь.

- Бегу, Ев... Бегу... - заторопилась Аня, надевая куртку. - Я быстро...

Тетя Люба уже стояла на банном приступочке, Евка копошилась в предбаннике у нее за спиной. Когда Аня подошла совсем близко, тетя Люба проговорила с тихой обидой:

- А мужчины так и не пришли... Что ты, девочка, никого не пригласила? Ведь обещала...

- Мужчины в другой раз придут! - опередила Аню с ответом Евка, выходя из бани. - Нынче сауна вот такая у нас была, без мужчин! Зато как попарились хорошо, а? И удовольствие получили, и нравственные устои соблюли... Ай да мы, ай да девочки! Теперь можно и отдохнуть с чувством исполненного долга!

- Да, я бы прилегла... Что-то голова слегка закружилась... - жалобно проверещала тетя Люба, хватаясь за Евкин локоть.

Аня быстро пристроилась рядышком, подхватила тетю Любу довольно плотно с другой стороны. И они пошли потихоньку по грязной тропинке и благополучно добрались до дома. Тетя Люба из последних сил взошла на крыльцо, Евка ловко стянула с нее в прихожей пальто. Довела мать до постели, и та завалилась на нее тяжелым кулем.

- Ну вот... Едва ноги передвигает, а про свое не забывает... Мужчин ей подавай в сауну... - проворчала Евка, укрывая мать одеялом.

- Устала? Может, отдохнешь? А я пока схожу подтоплю... - предложила ей Аня.

– Не, не надо подтапливать. Я подбросила дров, когда уходила. И отдыхать я не хочу, не устала... – отмахнулась от нее Евка. – Пойдем к тебе, теперь тети-Сонина очередь. Как ее сегодня до бани доставлять будем?

– Я думаю, надо в одеяле, Ев... Коляску по такой грязи не протащим.

– Ну, в одеяле так в одеяле, – покладисто согласилась Евка. – Будем физические возможности включать, хватит с нас на сегодня психических. С одеялом ты хорошо придумала, особенно эти прихватки по бокам меня умиляют...

– А что делать, Ев? Как мама всегда говорила, голь на выдумки хитра!

Это и впрямь было ее собственное ноу-хау – пришить к одеялу специальные лямки, чтобы прихватывать было удобнее с двух концов. Потому что если одеяло просто в горсть прихватить, то оно могло и выползти из руки на середине пути. Мама на самом деле не была такой уж и легкой, как она все время ее убеждала. К старости кости человека тяжелыми становятся, будто каменными. Пока до бани то одеяло с мамой внутри доволочешь, последними силенками изойдешь напрочь...

– Я сегодня спереди подхвачусь, а ты сзади. Сзади вроде полегче нести, слышишь, Ев?

– Ой, да ладно... Я слабее тебя разве? – возмущенно отказалась Евка. – Тоже мне, нашла, кого жалеть... Да на мне еще пахать и пахать можно, если уж на то пошло!

– Ладно, не спорь... Сейчас я командую, поняла? Мою ж маму понесем... К тому же я тебя домой не отпущу, потому как сама не справлюсь. Я ж маму одна из предбанника в парилку не перенесу.

– Так это понятно... Ты как будто оправдываешься. И без вопросов даже... Первый раз, что ли?

– Ой, Евка... Ну что бы я без тебя делала, а?

– Это я бы что без тебя делала, Анька... И вообще, хватит молоть из пустого в порожнее, пора дело делать! Идем за тетей Соней, она заждалась нас, наверное...

И на сей раз доставка мамы до бани прошла вполне благополучно. И обратно ее тем же нехитрым способом отнесли, и Аня так же заботливо уложила ее в кровать, накрыв одеялом, как давеча Евка укладывала тетю Любу. Теперь можно расслабиться после такого трудного дня и самим вволю намыться-напариться...

Для начала посидели в предбаннике с устатку, помолчали немного. Потом Евка проговорила тихо:

– Я пива холодного с собой прихватила... Будешь, Ань?

– Давай... Чего-то расслабиться никак не могу... Со вчерашнего дня какие-то дурные предчувствия гнетут, представляешь? И мама еще... Все твердит, что помирать ей пора...

– Да ну, не верь! Это ж у всех стариков так. В межсезонье депрессуха накатит, и давай помирать! А потом снежок выпадет, зима разойдется морозцем, и опять вроде ничего, жить можно. Не бери в голову, Ань!

Аня кивнула, отхлебывая из кружки холодное пиво. Не любила она этого сомнительного напитка, не верила в его целебную силу, но сегодня почему-то захотелось вдруг. Может, и впрямь принесет расслабление? Ударит слегка в голову...

Но вместо расслабления пришла неприятная икота – организм не простил ей такого коварства. Отставила кружку с недопитым пивом от себя подальше, проговорила недовольно:

– Не буду больше... Ну его к черту, твое пиво, Евка... Попаримся лучше!

– Пойдем, что ж... – покладисто согласилась Евка.

Скинули полотенца, открыли дверь в парилку, шагнули в ее горячее духовитое нутро. Аня забралась на верхний полоч, заверещала тут же испуганно:

- Только сильно не поддавай, Евка, а то я сварюсь! Без фанатизма, Евка, без фанатизма!

- Сейчас, сейчас... - ехидно проговорила Евка, набирая в ковшик воды. - Будет тебе и фанатизм, и шампанское, и какао с чаем, и все, чего душа пожелает!

Через минуту Аня уже верещала от всей души, чувствуя, как горячий пар настырно проникает в каждую клеточку. И даже перебралась с верхнего полка на нижний - там меньше жара. Евка вдруг спросила, глянув на нее пристально:

- Ты схуднула, Ань, что ли? Какая-то не такая стала...

- Это какая - не такая?

- Ну... Совсем молоденькая будто. И крепенькая такая, и никакого целлюлита даже в помине нет...

- Да ну, Евка. Скажешь тоже. Просто из-за пара не видно.

- Но я ж вижу, не ослепла еще! Ты и вправду будто помолодела! Что-то происходит, а я не знаю? Давай колись, ну?

- Ничего не происходит, Ев... Правда...

- А замуж не собралась случайно? За этого своего... Который в гости приходит... Учитель физики, кажется?

- Нет, не собралась.

- А чего так?

- Не хочу. Не нравится он мне.

- А тебе, значит, надо обязательно, чтобы нравился?

- Конечно, Ев... А как еще по-другому?

– Ну да, ну да... И все равно – выглядишь отпадно! Просто молодуха, кровь с молоком! Клубника со сливками!

– Спасибо, Ев... Засыпали меня комплиментами, честное слово... И мама тоже... Знаешь, как она меня вчера назвала?

– Как?

– Зимняя рябина...

– А что? Правильно... И очень похоже. Любит она тебя, Анька, очень любит. Даже завидно... Эх, поддам-ка я еще парку, Анька! И готовься давай – сейчас венником тебя охаживать буду, чтобы жизнь медом не казалась! Давай, давай, подставляй свои шикарные белые телеса, не жалея...

Парились они до позднего вечера. Вышли в темноту, вдохнули холодного воздуха, и Аня произнесла удивленно:

– Смотри, у мамы в окне свет горит... Может, случилось что-то?

– Да ну... – отмахнулась Евка. – Что может случиться, сама подумай? Просто не спит...

– Но она всегда крепко засыпает после бани. И спит до утра! Побегу-ка я, Евка, что-то тревожно мне...

– Беги, что ж. А я не спеша пройду, воздухом подышу. Так хорошо после бани... Моя-то явно спит крепко, в доме ни одно окно не светится.

Аня быстро дошла до дома, взбежала на крыльцо, прошла в комнату, не раздеваясь. Мама сидела на кровати, лицо ее было задумчивым и печальным. Повернув голову к Ане, спросила удивленно:

– Ты чего так запыхалась? Бегом бежала, что ли?

– Ага, бегом... Увидела свет в окне и побежала... Испугалась чего-то вдруг.

– Чего испугалась? Что я померла? Не бойся, я не помру сегодня. К тому же мы с тобой так и не поговорили. Я ж обещала все рассказать... Раздевайся да присаживайся к столу, послушай меня внимательно.

– Сейчас, мам... Сейчас... – проговорила Аня, быстро разматывая на шее теплый шарф. Услышала вдруг, как трепыхается в тревоге сердце, и вздохнула глубоко, пытаюсь его успокоить. В самом деле, чего она так испугалась?

Уселась за стол, проговорила тихо:

– Я слушаю, мам...

– А ты, прежде чем слушать, вот это сначала прочти...

Мама подвинула к ней по столу старый конверт, от времени пожелтевший. Рука ее при этом слегка подрагивала, будто она до последнего момента сомневалась, отдавать ли Ане письмо.

– Что это, мам? – тихо спросила Аня.

– Письмо... От отца твоего письмо. От Павла. Храню его уже пятьдесят лет. Аккурат перед твоим рождением его и получила, с тех пор и храню.

Аня растерялась, не зная, что и ответить. И впрямь – растеряешься тут... Всю жизнь ждала от мамы хоть каких-то объяснений, куда делся ее отец, и так и не дождалась. Вернее, только сейчас дождалась...

– Читай! – скомандовала мама, глянув на нее требовательно.

Аня взяла конверт, осторожно выудила из него хрупкий пожелтевший листок. Прочитала первую строчку: «Дорогая моя любимая Сонюшка...» А дальше читать не смогла. Горло перехватило, в глазах какая-то резь началась. От слез, наверное. Да еще почерк был почти нечитаемый, буквы налезали одна на другую, то выскакивали из ряда углами, то круглились так, что одну от другой не отличишь. Сидела, нахмутив брови, пыталась разобрать что-то.

– Ладно, не мучайся... – вдруг тихо проговорила мама, протягивая ладонь и забирая у нее письмо. – Почерк у Паши и впрямь такой, что не разберешь ни черта. Только я одна его почерк и разбирала. А я тебе и без письма расскажу все, как было. Так даже лучше – с самого начала начну... Чтобы тебе понятнее было.

– Да... Сама расскажи, мам... – согласилась Аня, отдавая маме письмо. – Сколько раз я тебя об этом просила, помнишь? А ты все время отмалчивалась. Я даже у подружки твоей, тети Шуры, однажды спросила: почему мама мне про отца ничего не рассказывает? Мол, был ли он вообще или как? А тетя Шура, помню, рассмеялась так грустно и сказала: от святого духа детки не рождаются, Анютка... А про отца, говорит, ты сама у мамки спроси, она расскажет... Я тогда пришла домой, снова спрашивать начала и расплакалась даже. Помнишь?

– Помню, а как же? Но раньше нельзя тебе рассказать было.

– Почему?

– Потому что время еще не пришло. Потому что не поняла бы ничего, сердиться на отца начала. А он ни в чем и не виноват вовсе... Он же не знал, что ты на свет родилась, не сказала я ему ничего.

– Почему?!

– Потому! Лучше слушай меня и не перебивай...

Мама молчала какое-то время, нервно елозя сухими ладонями по столешнице, потом заговорила тихо:

– Мы с Пашей свадьбу сыграли в пятьдесят восьмом, нам обоим только-только по восемнадцать исполнилось... Родители нас отговаривали – куда торопитесь, мол? Еще и не погуляли, а жениться надумали... Да только не могли они нас отговорить, потому как мы с Пашей давно для себя решили: как только можно будет, сразу поженимся. Потому как любовь промеж нас была большая, можно сказать, с малолетства образовалась. Всегда и везде вместе были – водой не разольешь... Как же я его любила, Нюрочка, как же любила... Да и сейчас люблю, чего уж. Не знаю, жив ли, а может, помер уже... Его ведь нельзя было не любить-то. Такой парень был...

Мама вздохнула, помолчала немного, улыбаясь чему-то своему. Даже лицо посветлело от этой тихой улыбки. Аня ждала, не торопила ее. Зачем торопить? Если уж начала, то обязательно все расскажет, как было.

– Поженились мы, значит... И жили счастливо, дальше друг друга любили... Работали много, дом свой выстроили. Вот этот дом, в котором мы сейчас с тобой... Паша его по бревнышку, по дощечке сам собрал, от души работал, старался. Колхоз нам тогда хорошо помог с домом-то. Раньше в Снегирях колхоз был, «Светлый путь» назывался. Тогда ведь так и называли колхозы-то, особо не мудрили. Куда ни плюнь – так в очередной «Светлый путь» попадешь. Паша в колхозе механизатором был, передовик, на Доске почета всегда красовался. А я учетчицей в конторе сидела, никаких особых достижений у меня не было. Только и умела – мужа любить да с хозяйством управляться. И счастлива была...

– А я когда родилась, мам?

– погоди, не перебивай меня. Куда ты торопишься? Торопыга! Всему свое время!

– Все, мам... Больше не буду. Рассказывай...

– Ну вот, значит... Жили мы с Пашей, жили, да только детей у нас никак почему-то не получалось. Годы идут, а нет ничего... Я давай горевать да переживать по этому поводу, слезы ночами лить, а Паша меня успокаивает – ну что ты, мол, Сонечка... Нет и не надо, что ж. Без детей проживем. Живут же другие... Я кивала в ответ, конечно, да только все равно успокоиться не могла. Знала же, как Паша хочет детей. Как на соседских мальчишек-сорванцов смотрит. Как у него глаза печальной досадой горят... Он все время возился с ними, с ребятишками соседскими, помню. Возьмет самого младшего на колени да тютюнькается с ним, как со своим будто. А у меня сердце кровью обливается – да как же так, да за что мне такое наказание, почему я мужа счастливой новостью обрадовать не могу? Ревела белугой, когда он не видел. Да только что я могла поделаться? Ничего и не могла. Не дает бог дитя. И все тут...

– Но ведь я все-таки родилась, мам? – осторожно спросила Аня. – Ведь ты меня родила, правда?

– Да я, я, кто ж еще... В тот год, когда ты родилась, все в один клубок завернулось, будто по заказу. Судьба мне дитя подарила, а Пашу забрала. Видать, там, сверху, так и решили, что этой бабе, которая дитя выпрашивает, слишком много счастья отмерено, надо бы половину-то поубавить. А что ты думаешь, так ведь и бывает! Одно приходит, другое уходит... Вот и Паша от меня ушел... За все надо платить, Нюрочка. За все.

– Куда ушел, мам? К другой женщине?

– На словах получается, что да, к другой ушел. А если по сердцу и по совести рассудить... То вроде и нет. Вроде ничем и не обидел.

– Загадками говоришь, мам... Лучше расскажи по порядку – как все было?

– Ну что ж, давай по порядку... Как сейчас помню тот день – вполне себе счастливый. День рождения у меня был, тридцать исполнилось. Гости вечером должны были прийти... Я на работе отгул взяла, суетилась по хозяйству, стол накрывала. И вдруг мне голову как окружило, как тошнота окаянная подступила, только и успела на стул осесть, иначе бы в обморок брякнулась. Сажу и думаю: что это со мной такое, заболела, что ль? А потом догадалась вдруг... В уме все быстренько посчитала... И так обрадовалась с перепугу, что решила молчать до времени, тайну эту чудесную в себе хранить! Сглазить боялась, дурочка. И даже Паше решила пока ничего не говорить, лучше потом... К тому же он тоже с новостями в тот день с работы пришел – в командировку его посылают, в срочную. В Сибирь, новые комбайны осваивать. Как лучшего механизатора района. Да, так раньше и было... Из передовых колхозов помощь отправляли в отстающие. Ну вот, пришел домой Паша в тот день, говорит мне... Так-то, мол, и так, Сонечка... Сегодня твой день рождения гуляем, а завтра мне в командировку уезжать, аж на целый месяц. А я только рукой махнула – подумаешь! Поезжай, конечно! Надо, так надо! Я ж такая счастливая была. Вот он и уехал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/kolochkova_vera/zimnyaya-ryabina

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)